

Из-за того, что нужно присматривать за А Синем, Гу Нин решил сегодня никуда не выходить и остаться дома. К тому же Лэ-гэр и Гу Сяоню как раз освоили ведение счетов, и это был отличный шанс дать им возможность попрактиковаться.

Оба учились быстро: если не считать того, что почерк у них, как и у него самого, был не самым красивым и требовал тренировки, с ведением записей они справлялись отлично. Лэ-гэр по натуре был человеком рассудительным, поэтому записи вел внимательно. Гу Сяоню же был парнем смышленным, считал быстро, но из-за невнимательности частенько допускал ошибки. Один быстрый, другой медлительный — в паре они работали слаженно.

Утром Гу Нин приготовил тофу и доухуа, помог ребятам погрузить товар на тележку, а когда вернулся в дом, А Синь уже проснулся и пытался самостоятельно слезть с кровати. Гу Нин не стал спорить и позволил ему встать. А Синь ужасно смущался: от постели Гу Нина так приятно пахло, что он невольно проспал дольше обычного и даже не слышал, как остальные хлопотали во дворе. Увидев, что гость поднялся, Гу Нин отправился на кухню готовить завтрак.

А Синь, заметив, что Гу Нин занят делами, пошел во двор — полил грядки, покормил кроликов, в общем, не сидел без дела. На редкость понятливый ребенок.

На кухне Гу Нин наполнил две миски утренней доухуа. Взяв еще одну миску, он насыпал туда две ложки пшеничной муки, вбил яйцо, добавил немного воды и, работая палочками в одном направлении, замесил жидкое тесто. Туда же он отправил мелко нарезанный зеленый лук и соль, продолжая размешивать. Когда масло разогрелось, Гу Нин быстро пожарил три яичных блинчика. Золотистые лепешки с ярко-зелеными вкраплениями лука источали такой аппетитный аромат, что у любого разыгрался бы аппетит. Кроме того, он заварил для А Синя чашку яичной воды с полной ложкой красного сахара — малыш был еще слаб, а после болезни ему требовалось хорошее питание.

Когда Гу Нин вынес еду, А Синь уже накрыл на стол. Обилие угощений заставило мальчишку вытаращить глаза. В своей жизни он еще не пробовал завтрака вкуснее. А Синь был еще слишком мал, чтобы знать, как длинна жизнь, и не мог предугадать, какие встречи ждут его впереди и сколько деликатесов ему еще доведется отведать. Но сколько бы вкусной еды он ни пробовал потом, он всегда с теплотой вспоминал этот утренний завтрак — не только из-за его вкуса, но и потому, что это было первое в его жизни проявление заботы, которое глубоко запало ему в душу. Разумеется, это будет потом.

Гу Нин положил ему блинчик: Ешь быстрее, а то остынет и станет невкусным! И яичную воду выпей, она сил придает!

А Синь заволновался, подумал немного и, опустившись на колени, чинно поклонился Гу Нину: Благодарю вас за заботу. Если в будущем я вам понадобится, А Синь готов пройти сквозь огонь и воду, не раздумывая.

Гу Нин поспешно поднял его. Его позабавило поведение мальчишки, и он, не сдержав улыбки, указал на дымящийся на кухне горшок с отваром: Тогда, как доешь, первым делом выпей

лекарство!

И точно — ребенок, только что дававший столь серьезные обещания, тут же нахмурился, словно уже почувствовал во рту горечь настоя.

Гу Нин рассмеялся в голос.

Пользуясь редким выходным, он решил навести порядок по хозяйству. Овощи в огороде быстро пошли в рост, и Гу Нин, выбрав несколько ровных палок, подвязал кусты баклажанов. Огурцы тоже начали пускать плети, пришлось ставить для них опоры. Когда солнце припекло, он отправил А Синя обратно в дом, чтобы тот не путался под ногами, как хвостик.

Ближе к полудню вернулись Лэ-гэр и Гу Сяоню. Сначала они выпили по две большие чашки воды, напоили ослика, и только потом рассказали, как прошел день. Торговля шла бойко: продали обе бочки доухуа и все тридцать цзиней тофу, выручив двести десять медных монет. Они также отдали Гу Нину бумажную тетрадку с записями, и он поставил отметку напротив сегодняшней даты — счет был закрыт.

Гу Сяоню, не умолкая, добавил, что управляющий Ху прислал человека сделать заказ на тофу: с завтрашнего дня нужно поставлять по тридцать цзиней ежедневно, а возможно, объем будет расти. Гу Нин понял, что эксперименты с новыми блюдами из тофу пора заканчивать и пора вводить их в меню. С завтрашнего дня производство придется увеличить: мало того, что тридцать цзиней нужно отдать для ресторана Ганьсянлоу, так еще и после появления новинок покупателей станет больше. Гу Нин прикинул, сколько еще соевых бобов осталось в запасе — если не хватит, придется докупать. И нужно подумать, справятся ли они вдвоем, или придется нанимать помощников.

Лэ-гэр, будучи человеком внимательным, рассказал еще об одном деле. В последние дни некоторые покупатели, купив тофу, не спешили уходить, а весело болтали, выпытывая, сложно ли готовить тофу и прибыльное ли это дело. А сегодня, увидев, что на лавке только двое ребят, они прямо спросили, где их хозяин, и намекнули, что можно сотрудничать, деля прибыль пополам.

Гу Сяоню разозлился: Я-то думал, они просто болтают от нечего делать, а они, оказывается, хотели выведать наш секрет!

Гу Нин ничуть не удивился. В уезде они были единственными продавцами тофу, и другие, конечно, начали бы проявлять интерес. Его удивило лишь то, что это случилось так быстро. К тому же секрет приготовления тофу не был тайной за семью печатями — мир велик, и рано или поздно кто-то другой тоже научился бы этому. Похоже, идею с новым меню пора было воплощать в жизнь.

После разговора ребята, отказавшись от обеда, отправились домой. Перед уходом Гу Сяоню передал А Синю два комплекта одежды, которые носил в детстве. Почесав затылок, он признался: Утром так спешил, что забыл. Матушка просила передать.

Вчера, услышав от сына, что Гу Нин привел маленького нищего, да еще и больного, госпожа Гу поняла, что это все от доброго сердца. Она нашла старую одежду Сяюню и велела передать её. Поскольку в детстве Сяюню был любимчиком, обе рубахи были из хорошей хлопчатобумажной ткани.

Гу Нин с радостью принял подарок и пообещал при случае зайти поблагодарить госпожу Гу. А Синь не ожидал, что у него появится новая одежда, и не знал, как выразить свою признательность. Он решил хранить эту благодарность в сердце и отплатить добром, когда представится возможность. Правда, он еще не придумал, как именно.

После обеда они сидели в тени, рассказывая истории. Когда речь зашла о семидесяти двух превращениях Сунь Укуна, А Синь широко раскрыл глаза: Я тоже хочу научиться этому, чтобы потом защищать вас!

Гу Нин, улыбаясь, погладил его по голове, но в душе заволновался. Прошло уже пять-шесть дней. Если бы Му Е умел летать на облаках, он бы уже давно вернулся домой, верно?

Как оказалось, о некоторых людях лучше не упоминать всуе. Не успел он забеспокоиться, как дверь отворилась, и на пороге появился Му Е. Правда, Гу Нин едва узнал его — перед ним стоял человек с густой щетиной, пересохшими губами и ссадинами на лице, а главное — с нездоровым румянцем.

Забыв о приличиях, Гу Нин протянул руку и коснулся его лба — тот был пугающе горячим. Из-под рваной одежды на боку проступало большое пятно крови. У Гу Нина на глаза навернулись слезы, но Му Е, несмотря ни на что, ослепительно улыбался.

Он произнес: Нин-гэр, ты можешь открывать лавку!

<http://bllate.org/book/18790/1825018>